

■ НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В 2005 году академическое сообщество отмечает юбилей Валентины Николаевны Ярской-Смирновой — известного учёного, педагога и общественного деятеля, с чьим именем связано многое в организации отечественной науки, философии, социологии, теории и практики социальной работы, системы занятости, социального развития, подготовки профессиональных и научных кадров. Редакция журнала присоединяется к поздравлениям в адрес Валентины Николаевны.

В.Н. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА

«МЕНЯ МОЖНО НАЗВАТЬ АГЕНТОМ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

Валентина Николаевна, расскажите, пожалуйста, о вашем детстве.

Я родилась в Свердловске, отец был военный, жили в военном городке. Мое военно-патриотическое воспитание началось в детском саду, сохранились фотографии: на одной — группа детского сада в день памяти вождя — вокруг искусственного костра, все внимательно слушают рассказ воспитательницы; на другой — дети в шлемах-буденовках на игрушечных конях — конница Будённого; наконец, третья фотография: — краснофлотцы в бескозырках с ленточками, в кораблике с флажками. Одновременно осваивали и гражданские темы: танцы снежинок, поварят и клоунят, детскую классику про козлика, елочку, каравай и множество других аполитичных стишков и песенок. Мама работала учительницей, вместе с другими женами военнослужащих пела в клубном хоре, участвовала в лыжных соревнованиях, помогала в организации праздников, в работе библиотеки.

Перед войной отца направили на службу в Кишинёв. Там, в отличие от сурового Свердловска, было тепло, весело, дёшево; много фруктов, яркой зелени, на улицах нарядные люди. Но однажды ночью

Интервью с В.Н. Ярской-Смирновой провела кандидат социологических наук В. Щепланова 20 февраля 2005 года.

начались разрывы снарядов, папу вызвали по учебной тревоге, и после этого мы его не видели года два. Соседи завели патефон, накрыли на стол и демонстративно радовались началу войны. Мы с мамой отправились в Саратов, где жили мамыны сестры. Мама устроилась воспитателем в детский дом «Красный городок» на Покровской, сейчас — улица Лермонтова. Там было какое-то время речное училище, а до этого — келья женского монастыря; сейчас все это снесено. Мама брала меня с собой, мне нравилось помогать ей с детьми; с тех пор, по-моему, я это занятие так и не бросила.

После ранения отец попал в часть под Горьким, охранял военный завод. Семьи военных поселили в гостинице. Нам постоянно показывали фильмы, в основном невоенной тематики, с участием Л. Орловой, В. Серовой, Л. Целиковской. Дунаевский вошел в нашу плоть и кровь. В Дзержинске я пошла в первый класс. Мы еще не раз переезжали с места на место, но после демобилизации отца вернулись в Саратов, где его взяли на работу в милицию.

Расскажите, пожалуйста, про свои школьные годы.

Мы поселились на втором этаже небольшого дома, почти на берегу Волги, тогда еще не было бетонированной и асфальтовой набережной. Это была типичная коммуналка «московский муравейник», но у нас было две комнаты с видом на Волгу, и мы были счастливы. Я сколотила команду — вернее, актерскую труппу, поставила «Аленький цветочек», еще что-то сказочное, явно подражая постановкам ТЮЗа, но иногда придумывая свой, гораздо более удачный, как мне казалось, конец истории... Во время представлений в центре большого двора ставились скамейки, актеры появлялись из дверей веранды теткиной квартиры, там шло переодевание, артисты усердно гримировались. От деда остался вместительный сарай (с комфортабельным погребом), там у нас работал театр теней: вырезали фигурки из бумаги, натягивали простыню, ставили керосиновую лампу — разыгрывали сцены, диалоги, ужасы. Затем школу перевели на Коммунарную (теперь Соборная). Восьмая женская школа имела для того времени блестящую экспериментальную гимназическую программу: латынь, логика, психология в старших классах. Директор следила за соблюдением этикета — отутюженная форма, приличное поведение, запрещала приглашать «штатских» мальчиков на праздничные вечера: по традиции наша школа дружила с суворовским училищем, находившимся за углом. В ходу были бальные танцы, все остальное мы отплясывали вне поля зрения директрисы; танго и фокстроты вместе с джазовым сопровождением относились к «диссидентству». И это, пожалуй, была единственная ограничивающая идеология, которую я припоминаю. Не было в школе и какого-либо заметного следа от комсомола.

Отец после войны учился на юридическом, приносил «следственные упражнения», мы с ним «раскрывали» преступления. Под его

влиянием я собиралась стать следователем или разведчицей, но к окончанию школы увлеклась театром, прошла собеседование в студию саратовского ТЮЗа. При этом моей страстью был не только театр, но еще и физика, математика, история, языки — хотелось объять необъятное. Мама, настроенная более определенно, считала, что если есть успехи в учёбе, надо идти в науку. Возможно, она лишь подчеркнула то, что не было явным; в дальнейшем мне приходилось еще не раз шарахаться от одного увлечения к другому — и в этом видится «вред» отличной учебы по всем предметам. Только в выпускном классе у меня созрело решение учиться на востоковеда.

А кто подбирал вам книги для чтения в школьные годы?

Папа был книголюб. Дома у нас всегда было много книг, как-то на день рождения он купил мне академическое издание Шекспира, два огромных иллюстрированных тома — трагедии и комедии. Среди прочих у нас было собрание сочинений Диккенса — огромное число томов, папа перечитывал их несколько раз, он вообще любил классику — русскую, западную. Мама хорошо знала детскую, школьную литературу, классику, советских авторов. В школе была замечательная библиотека и учителя особой, уже уходящей породы. Например, Анна Петровна Некрасова — не просто учитель литературы, а — *словесник*, я не встречала такого мощного преподавателя литературы, не привязанного к какому-либо учебнику.

Вы сказали, что у вас в школе была активная жизнь. Чем вы еще увлекались в то время?

Училась я легко, вставала рано, за час делала уроки, после занятий была бездна времени: пела в хоре, играла в спектаклях (работали драмкружки под руководством артистов любимого ТЮЗа), занималась в физическом кружке, ходила на спортивную гимнастику, по вечерам — радостный, сверкающий и наполненный музыкой каток Динамо в центре Саратова. Любила плавание, тогда на берегу было много бассейнов, водных станций, где можно было плавать в любое время суток, взять напрокат лодку. Сложилась замечательная компания. Среди друзей-суворовцев были Юрий Власов (позднее известный спортсмен, чемпион по штанге, писатель), Рубен Варшамов (стал замечательным художником, известным яхтсменом и родным мне человеком), с Галей Варшамовой мы дружны навсегда. Не пропускали ни одной премьеры в ТЮЗе, Оперном театре, куда традиционно брали дешевые билеты на галерку. Школьной учительницей музыки была А.В. Чайковская, которая вполне оправдывала свою фамилию и обладала совершенным вкусом, расписывала партии, хоры из опер, дуэты, трио; мы пели Лизу и Полину, Прилепу и Миловзора, «Улетай на крыльях ветра», тщательно отобранные советские песни. Домашняя коллекция пластинок включала и классику, и романсы, и джаз (Утесов, Цфасман, Дунаевский, Кэто Джапаридзе, Лещенко). В школе

разгорались дискуссии — вне уроков и учительского влияния, например, Чарская или Маяковский? Помню, были рьяные приверженцы обеих сторон. Отец, двоюродные братья — летчик и авиаконструктор, некоторые мои друзья из «спецухи» (так называли спецшколу ВВС) приобщили меня к шахматам, которыми я увлекалась долгие годы.

А почему вы решили поступать в Институт востоковедения? Как вы приехали поступать в Москву?

Вернувшийся из эмиграции Г.М. Усов преподавал «лингву латину», прекрасно знал китайский, рассказывал о традициях, истории Китая. От него я получила первые книги с иероглифами, узнала о языковых диалектах, стала собирать книги по истории Востока. На выбор института повлиял и Ю. Власов, наряду с блестящей учебой в суворовском училище он занимался метанием копья, диска, был развит интеллектуально и физически — высокого роста, голубые глаза с черными бровями и ресницами («аристократическая порода» — гордился он). Его отец работал в Китае в нашем дипломатическом представительстве, после смерти отца Юра издал книгу «Особый район Китая», подарил мне ее и китайский веер со значением и прогнозом, который впоследствии полностью сбылся. Нельзя отрицать сильное влияние школьного историка И.И. Масловой: не ограничиваясь программой, она увлеченно рассказывала нам историю Востока, при изучении марксизма предлагала, помимо ленинских работ, серьезные тексты — «Анти-Дюринг», «Диалектику природы»; в центр внимания попали философские проблемы. В Москву я приехала вместе с друзьями, там меня встречала школьная подруга Ира Исаева, она поступала на биофак (сейчас известный ученый МГУ) и мой товарищ по драмкружку в старших классах Женя Пчелинцев, он поступал на юридический. Мы вместе ходили подавать документы в Институт востоковедения, а Юра Власов поступил в «Жуковку», понравился тренеру по тяжелой атлетике, стал быстро продвигаться, получал разряд за разрядом, как-то сказал: «Я уже теперь не остановлюсь, пока не буду чемпионом». И, действительно, стал.

Расскажите, пожалуйста, как вы учились в институте, кем планировали работать по окончании?

На собеседовании в Институте востоковедения предлагались вопросы на общее развитие (сейчас такие вопросы сочиняют во многих телепередачах). Угадала ответ на вопрос «Какой великий русский химик одновременно был композитором?» По просьбе комиссии проспрягала глагол *ато*, а когда меня спросили: «Кто написал “Конька-Горбунка”?», ответила, что не знаю даже, кто написал «Доктора Айболита»; меня сочли остроумной и приняли. Там я учила китайский и английский, языки меня увлекали. Когда институт расформировали, мы ходили на улицу Жданова к Министерству культуры и высшего образования с плакатами — это была демонстрация в защиту старшекурсников, которым оставалось защитить диплом. Мое юношеское

призвание вместе с судьбами моих сокурсников оказалось заложником закрытия специальностей, но мы отстояли старших товарищей, им разрешили завершить образование в рамках МГИМО. Через несколько лет на съезде КПСС Микоян выступил с критикой расформирования института.

А кем хотели вас видеть ваши родители — отец, мама? Почему, когда Институт востоковедения закрыли, вы решили стать физиком? Расскажите, как вы поступили на физфак, как учились, чем занимались потом?

Мама, конечно, хотела, чтобы я была преподавателем, учёным, под влиянием отца я знакомилась с юридической литературой, пространство мечты вначале простиралось от разведки до театра. Коллеbanия между искусством и наукой были и после получения вузовского диплома, во время собеседования в студии знаменитый Ю.П. Киселёв сказал: «Я вам не советую менять свою жизнь, у вас такое образование, а вы будете обречены на низкую зарплату». Тогда актер после окончания студии получал 80 рублей. На физфак пошла, потому что физику любила, во время школьных экзаменов половина класса собиралась у меня дома, мы вместе готовились, я решала весь задачник по физике от и до, так же и по математике. Свободно сдала собеседование по математике в МИФИ, оказалось легко — надо было по формуле нарисовать график и, наоборот, по графику сообразить формулу функции. Мечтала, что всё будет связано с Москвой, но у мамы начались сильные приступы стенокардии, решила не испытывать судьбу, перевелась в Саратов. После физического факультета по распределению уехала в корейский колхоз Узбекистана; это был впечатляющий оазис, представлявший колоссальный контраст с нищей и пыльной деревней Поволжья, куда мы не раз ездили со студенческими агитбригадами. Преподавала физику в две смены, вела физический кружок, в клубе руководила вокальным ансамблем; соседка по комнате преподавала немецкий, ушла в декрет, я ее заменила. Нас снабжали продуктами — бесплатное молоко, хлеб; учительский домик находился в саду — можно было брать абрикосы, яблоки, виноград. Дома не запирались, воровства не боялись, полный коммунизм. Своего щенка-волкодава я назвала Атом; меня успокоили, что его не съедят из уважения к учителю и по причине несъедобности породы. В Саратове работала учителем физики в школе, инженером лаборатории на оборонном предприятии «на Вишнёвой». Посещала театры, студию Киселева. Вышла замуж за верного друга, артиста Ростислава Ярского. Мы уехали в Волгоград, там родилась Елена. Я работала ассистентом кафедры физики инженерного вуза.

Вы продолжали музыкальные занятия, когда учились в вузе?

Музыкальные занятия продолжались везде: я пела в дуэтах, трио, джазе, ансамблях, хорах — на русском, испанском, английском, немецком, китайском. Позже, на физфаке педагогического института

руководила вокальными ансамблями трёх факультетов, была солисткой университетского джаз-оркестра Юрия Жимского. Домашние коллекции пополнились записями на магнитофонных катушках, появились Вертинский, Высоцкий, Окуджава, ансамбль Дмитрия Покровского, ставший антиподом хору Пятницкого, изменивший представления о фольклоре со времен Лидии Руслановой. Поиск аутентичного фольклора стал хобби моей дочери, студентки университетского мехмата, я с удовольствием слушала их рассказы о полевых исследованиях на Кубани. Важными событиями были для меня оперные премьеры, сольные концерты замечательных пианистов Анатолия Каца и Алберта Тараканова, Собиновские фестивали, фестивали Нейгауза. Стараюсь не пропускать джазовые события, недавно прослушала концерты женской группы из Швейцарии «Четыре розы» и нашего знаменитого земляка из США Николая Левиновского.

А как вы заинтересовались философией?

В школе нас приобщали к философии учителя литературы, истории, логики и латыни; они находили интересные тексты. В вузе я слушала замечательные курсы философии — и восточной, и западной, сама история Востока немислима без философии. И в Саратове, и в Волгограде посещала философские семинары, Елена Мамчур (известный философ) обнаружила у меня «философский склад ума». У меня была реальная возможность учиться в аспирантуре МГУ, но я поступила, в интересах семьи, — в аспирантуру СГУ. Первым экзаменом сдавали философию, все претенденты на единственное место получили пятёрки. Следующий экзамен — история КПСС, я погрузилась в огромный список работ и готовилась дней десять, мои же соперники, готовились по «Краткому курсу...» и срезались, не отличив программы меньшевиков от программы большевиков. Сдав экзамен по английскому, прошла по конкурсу; заведующая кафедрой О.С. Зелькина сказала, что у них нет «физика», и необходимо получить согласие на руководство профессора Я.Ф. Аскина из пединститута. Вскоре я познакомилась с Яковом Фомичом, который сообщил, что занимается проблемой времени, и есть неясность с понятием «инверсии времени»; это и предстоит прояснить. Так я занялась исследованием философского смысла вполне физического понятия.

Кто-нибудь в то время оказал на вас осязаемое влияние?

В аспирантские годы я активно участвовала в симпозиумах и конференциях, посещала философские семинары и школы, всё было доступно, командировки оплачивались. Ездила в Грузию, Прибалтику, Украину, в Ленинградский, Московский, Свердловский и Тартуский университеты, Институт философии. А в Саратове ждали моих впечатлений и результатов друзья, коллеги и многочисленные дети — ученики. Везде были свои тусовки, научные конференции и направления, общение с блестящими собеседниками, учеными; некоторые

из них оказали на меня огромное влияние, часть из них навсегда остались моими друзьями: Я. Аскин, В. Бранский, Э. Гирусов, О. Зелькина, Э. Ильенков, М. Каган, А. Кармин, В. Лекторский, И. Лисеев, Е. Мамчур, Л. Микешина, И. Мочалов, В. Швырёв, Ю. Сачков, Н. Трубников и другие достойные люди. В то время советская версия марксизма не избежала влияния методологии позитивизма, это служило деидеологизации философской деятельности, уходу от политизированного способа философствования. Увлечение методологией сохранилось у меня надолго, помогло сформировать методологию диссертационных исследований, появились аспиранты из области не только философии, но и социологии. Позже возникли новые авторитеты и приоритеты: Т. Заславская, О. Шкаратан, В. Ядов. Они способствовали моему разочарованию в принятой форме философствования и переходу к социальным проблемам. Мы открыли Саратовское отделение ВЦИОМ. Программы А. Овсянникова «Общественное мнение» и В. Пуляева «Народы России» расширили наше знакомство с представителями социологии разных регионов, со многими мы поддерживаем связи до сих пор. Мы получили темы по этническим взаимодействиям в регионе, разрабатывали проблемную ситуацию с немцами Поволжья, знакомились с работами Ю. Арутюняна, Л. Дробижевой, В. Тишкова. В начале нового тысячелетия я, вместе со старой гвардией (О. Шкаратан, В. Ядов), с Л. Иониным, А. Овсянниковым попала в команду экспертов по социологии НФПК, познакомилась с новым поколением ярких социологов — Г. Батыгиным (увы, так внезапно ушедшим), Н. Покровским, В. Радаевым, к нам присоединились В. Ильин, В. Козловский, Д. Константиновский.

А о чём была ваша кандидатская диссертация?

Тема «Философское значение инверсии времени в физике» была достаточно нестандартной. Я расспрашивала, интервьюировала ученых. Профессор А.Д. Степухович — потрясающей эрудиции физик, дома, за чаепитием, прочитал двухчасовую лекцию, из которой я поняла, что реально инверсии времени в физике нет, но существует математический формализм Т-инверсии. Я обратилась к лекциям Р. Фейнмана, изучила четырёхтомник А. Эйнштейна, работы Копенгагенской школы. Поняла, что инверсия времени есть не только в физике — биология, геология, история включают этот механизм. Человек не может жить, если не обращается в прошлое, инверсия времени — гносеологический механизм, в культурном контексте нашей интерпретации прошлого события. Один и тот же момент прошлого может быть осмыслен по-разному; в парадигмальных множествах и постулатах науки очевидна междисциплинарная суть проблемы. Я с радостью нашла подтверждение этому в идеях Т. Куна, трудах Международного общества изучения времени Дж. Фрэзера и Междисциплинарного семинара МГУ, идеях М. Бахтина о художественной инверсии.

Были ли какие-то препятствия для достижения цели? С чем пришлось бороться, что преодолевать?

Встала задача преодоления авторитетного физикализма в проблеме времени, дальнейший переход из общей гносеологии — в социальный контекст категорий времени и пространства. В те годы не поощрялись *не принятые* в марксизме темы и категории, у меня долго не принимали к опубликованию в Саратове статью о бессознательном уровне прогностики, объясняя тем, что эта категория ещё не устоялась, и я опубликовала ее в Ленинграде. Тогда на всё Поволжье был один профессор. Казалось, так будет вечно. Рукопись монографии по прогностической функции в науке в темпоральном контексте долгое время лежала готовой, не продвигаясь к изданию, пока не грянуло Постановление ЦК КПСС о вскрытии недостатков в Саратовском университете и МВТУ им. Баумана, и меня «поторопили». Задул очередной ветер перемен, вскоре вышли мои монографии, статьи в журналах «Вопросы философии», «Философские науки». В те годы было трудно защитить диссертацию исключительно для галочки; сейчас встречаются преподаватели, для которых защита кандидатской или даже докторской диссертации — это финиш, они отказываются подтверждать свой статус, разве что пользуются им для того, чтобы иметь аспирантов и выращивать из них ученых для диссертации. Появляется когорта ученых провинциального склада (но не только в провинции), самодостаточных, с ограниченным кругозором, нежелающих знать ничего, кроме собственного Я в доморощенной концепции. Встречаются претензии на право подвергать цензуре деятельность научных коллективов, нетерпимость к иным точкам зрения, ценностям и принципам. Такой случай был на защите в моем совете, когда молодой доктор философских наук «от имени епархии» призвал совет не голосовать за диссертацию по социальному конструированию гендерной нормы как «пропаганду модного греха».

Как вы нашли работу? Кто помогал вам в трудоустройстве?

По окончании физического факультета Саратовского педагогического института (сейчас это подразделение Классического университета) я с мужем уехала в Волгоград, в инженерном вузе меня приняли на кафедру физики ассистентом. Там ценили не только хорошее ведение занятий, но и организацию драмстудии. Я проявила себя как режиссёр-постановщик, ставила спектакли, например, «Вокруг ринга» (антирасистская тема Билль-Белоцерковского), в институтской многотиражке писали: «На сцену ринг переселился, рождённый творческой рукой». В Волгограде я принимала участие в работе философского семинара. Вскоре судьба распорядилась так, что я вернулась в Саратов, поступила в философскую аспирантуру СГУ. После защиты осталась на кафедре, работала доцентом, а после защиты докторской — профессором; читала философию физикам, геологам, историкам, филологам. В эти же годы мы расстались с Ростиславом Ярским,

он перевелся по конкурсу в Уфу, в драматический театр. Вскоре я вышла замуж за Костю Маврина, геолога из университета, с которым начала новую, полную приключений жизнь, много ездила, в том числе на Урал, путешествовала по Башкирии, вдоль реки Белой, участвовала в экспедиции к Аральскому морю, которое тогда еще не пересохло и представляло собой изумительное, бирюзово-прозрачное и прохладное чудо.

В Поволжском межрегиональном учебном центре (статус института дополнительного образования) я сама стала работодателем, сформировав около трех десятков рабочих мест, когда спроектировала новую научную структуру. Там я стала проректором по науке, директором Научного парка: в то время создавалась федеральная система занятости, «парковали» научные исследования занятости, переподготовку безработных и персонала, технологии работы службы занятости. Тогда же параллельно руководила социологическим центром и кафедрой в техническом университете. Сейчас я профессор кафедры социальной антропологии и социальной работы СГТУ.

Вы когда-нибудь жалели, что не стали востоковедом?

То, что человеку не удастся получить в семье, школе, вузе, он должен получить сам. У меня навсегда осталась любовь к истории и философии Востока. С особым удовольствием я объясняла иероглифику в качестве иллюстрации передачи знаков и символов, это нравилось студентам, украшало лекции; тогда появились первые ученики, которые теперь занимают высокие посты. И сейчас с удовольствием читаю всё, что связано с Китаем, Индией, Японией, последнее время с особенным удовольствием поглощаю новую порцию переведенных японцев, востоковеда и япониста Акунина-Чхарташвили. Интересно, что в нашем представлении социология связана в основном с развитием западной цивилизации, социологическое воображение — западное понятие. Восток же по-другому выражает свою социальность, здесь много таинственного. Ведь не только стиль философствования имеет национальную окраску, форму, хотя проблема пригодности теории, разработанной в одной культуре, к социальному развитию в других культурах еще требует дальнейшего обсуждения — в этом я согласна с В.А. Ядовым. В текстах по истории науки, философии, социологии мы обнаруживаем полипарадигмальность не только по отношению к пространствам, но и ко времени культур; востоковедение в этом смысле имеет огромную перспективу.

Расскажите, пожалуйста, как вы начали работать в университете, чем занимались? С какими учеными сотрудничали?

В университете я преподавала философию, руководила методологическим семинаром для физиков, продолжая тесно сотрудничать с учеными физфака — это Д.И. Трубецков, А.С. Шехтер, А.Д. Степухович, В.И. Шевчик, Б.С. Дмитриев, Р.И. Бурштейн. Начиная с аспирантских

лет, я руководила методологическим семинаром ТФС (Теоретический философский семинар), куда приходили из разных вузов, со всего города; там мы пестовали будущих философов из физиков и лириков. Философского факультета тогда не было, не было и докторского совета в Саратове. Многие годы я регулярно приезжала в Институт философии на семинары и конференции, обрела там единомышленников и друзей, ничем не заменимое общение, ездила вместе с сотрудниками Института в Брайтон на Философский конгресс. Логично, что свою диссертацию я повезла именно в ставший мне родным Институт, стала соискателем замечательного по своему составу и духу и в то же время опального, как меня предупредили, сектора логики науки и теории познания под руководством В. Лекторского. Директором Института философии был Б. Украинцев. Учёный секретарь Института, добрый молодой человек и бывший моряк, спросил: разве нет докторского совета в Саратове, в Сибири. «Видимо, он специалист по морям, а не по рекам», — интерпретировал мой муж, по матери происходивший из российских немцев. Костя в детстве наблюдал, как приехавшую из сибирской ссылки посмотреть на внуков старенькую бабушку увел по доносу соседей милиционер, без суда и следствия ее отправили по этапу; естественно, мой муж вырос диссидентом.

А о чем была ваша докторская диссертация?

Некоторые авторитеты заявляли о бесперспективности тематики времени по причине ее полной завершенности в их трудах. Мой собственный интерес был подогрет не авторитетным мнением, а скорее *вопреки ему* — я видела другую перспективу, в которой завершенности проблемы не было и в помине. Тема второй диссертации: «Время и предвидение — вопросы методологии» логически продолжала тематику первой, открылась возможность насыщения темпорального дискурса новой семантикой. Развитие темы формировало социальный проект времени в новых характеристиках предвидения (меня поддерживали И. Бестужев-Лада, В. Лекторский, А. Спиркин, В. Швырев, В. Шевченко) и культурной эволюции. Формировалась социально-философская онтология времени и пространства, их концептуальность и антропология в институтах, режимах, культурах. Докторскую я защищала в Институте философии, в диссертационном совете Ю.В. Сачкова; он относился ко мне доброжелательно и с уважением. Известный логик Е.К. Войшвилло задал мне десять вопросов по темпоральной логике, надеясь *срезать*, но я ответила на его вопросы, назвала учёных из МГУ, логиков из Института философии, зарубежных авторов. Один из оппонентов, известный советский темпоралист, автор монографии по основным концепциям времени в философии и физике, Ю.Б. Молчанов заявил, что не согласен с диссертанткой, но признает ее право на свою точку зрения. Другой оппонент,

классик советской философии, академик С.Т. Мелюхин говорил в своем выступлении о предвидении и времени во Вселенной; о том, что полифония (многообразие) форм времени — это лишь аллегория, он сказал мне еще до защиты. Лишь третий оппонент, прорвавшийся в Москву из Казани, талантливый ученый, известный философ и историк науки И.И. Мочалов оценил мою попытку социализации времени; моя защита оказалась определенным срезом ситуации в советской философии времени. Снова появилась возможность переехать в Москву, но меня по-прежнему крепко держал Саратов.

Как дальше складывалась ваша работа, карьера?

В молодости я легко переходила от увлечения к увлечению (не только в чувствах или пристрастиях в искусстве), но сейчас, на основном этапе своей жизни, связав себя с образованием и наукой, постоянно и сильно загружена, и иногда, в сердцах, называю себя «эксплуатируемым существом». Работала профессором на кафедре философии СГУ, а в 1985-м перешла в технический вуз, получив невиданные свободы, возможность введения сразу большого цикла гуманитарных дисциплин на всех специальностях — от истории философии до психологии личности. Со мною вместе из университета ушла целая группа моих учеников и единомышленников — молодые философы, психологи, экономисты, филологи. Ни философских, ни, тем более, социологических факультетов и специальностей тогда не было. Гуманитаризация в техническом вузе была мною осуществлена задолго до официально объявленной министерством, это вообще был прогрессивный период, как будто просыпались от длительного сна — гласность, перестройка, социология, этнические конфликты. Я открыла Социологический центр в СГТУ, Саратовское отделение ВЦИОМ, несколько лет была председателем саратовской Ассоциации работников социальных служб, проректором по науке учебного подразделения в системе занятости. Т. Заславская, О. Шкаратан, В. Ядов, Ю. Левада, В. Шляпентох интенсивно влияли на становление социологического воображения и инструментария на местах, новая деятельность вводила меня и моих «школяров» все дальше от высокой философии, погружая в социальную (земную) жизнь.

Валентина Николаевна, вы в числе первых, а в Саратове — первая открыли в Политехническом институте специальность «социальная работа», возглавили одноимённую кафедру. Расскажите, пожалуйста, о вашем вкладе в развитие социальной работы.

От кафедры философии, в связи с возросшим количеством часов на новые дисциплины и открытием новых, ранее невиданных в советской действительности специальностей, по моей инициативе отпочковались новые кафедры — психологии и акмеологии, культурологии, менеджмента туристического бизнеса, социальной антропологии

и социальной работы. Политехнический институт стал, благодаря нашим усилиям, именоваться Техническим университетом, я вместе с другими преподавателями по программе TEMPUS прошла стажировки в университетах США и Европы. С.А. Беличева организовала ВНИК по социальной работе, я представила доклад об апробации целого спектра гуманитарных дисциплин как основе введения новой западной специальности, опубликовала серию статей по методологии, философии и теории социальной работы, методологическому обеспечению подготовки социального работника. Пройдя конкурсный отбор, мы открыли специальность «социальная работа», связанную с новой социальной политикой и новым отношением к человеку, приняли учебный план по образцу программы Гетеборгского университета с дополнениями из программы университета Северной Каролины. Этому успеху способствовала энергия дочери; Елена уже была кандидатом наук, окончила ядовские высшие социологические курсы, магистратуру в Гетеборге, писала докторскую по социологии нетипичности, овладела немецким, английским и шведским, заботилась о кадрах и грантах для кафедры. Приняв заведование новой кафедрой, она открыла затем новую специальность «социальная антропология». Мне удалось получить право открыть курсы повышения квалификации преподавателей социальной работы и специалистов социальной сферы. Министерство труда и социального развития во главе с Починком, который оказался полной противоположностью Прокопову (тот умел мгновенно схватить суть и поддержать инновацию), отдавало права на переподготовку своему ведомственному вузу, его филиалам на местах. Кадры региона лишались академического влияния, это было чистой воды дискриминацией.

Я читала философию, методологию и теорию социальной работы, проводила «круглые столы», дискуссии, практические занятия с применением сценических технологий по практике социальной работы. Когда студенты подросли, мы открыли бакалавриат и магистратуру по собственным программам, дав волю инициативе и творчеству. Я разработала курсы для магистрантов — «Методология познания и моделирование социальной работы», «Социальная политика», «Социология молодежи и работа с молодежью», «Актуальные проблемы современной науки», «Методология диссертационного исследования», «Социология образования», «Социология пространства и времени». Веду занятия научной школы — с аспирантами, докторантами, соискателями, просто любопытными, мне это напоминает бывший ТФС в аспирантские годы.

Вы являетесь председателем диссертационного совета при Саратовском государственном техническом университете. Расскажите, пожалуйста, об этой своей работе.

В состав моего диссертационного совета по социологии вошло много философов, за десять с лишним лет совет обогатился новыми специалистами, социологами, в университетах Саратова появились доктора и профессора социологии, докторские советы. Номенклатура научных специальностей требует доработки. Например, некоторые эксперты, встретив слово «методология», готовы тут же отнести работу в первую специальность, но никакая тема не может быть успешно исследована, как теоретически, так и эмпирически, без четко разработанной методологии. Многих пугает междисциплинарный характер исследований. Знаменитый принцип Бора действует в дополнении языков классической и неклассической физики, языков наук, культур, поэтому резкое разграничение научных специальностей бесперспективно. Теория социальной работы с самого начала примыкает к социологии, она пока отсутствует в номенклатуре научных специальностей, представлениях отдельных экспертов, которые готовы зачислить ее в ведомство педагогики, психологии, а то и в некое расплывчатое облако социальных наук. Социология испытывает несомненный подъем, желающих получить ученую степень по социологии хоть отбавляй. Не в таких больших масштабах, как в Москве, но существует проблема платных кандидатов и даже докторов наук. Помню, этот феномен мы обсуждали с Г. Батыгиным, он говорил об этом с присущей ему элегантной иронией. Для существенной фильтрации того, что поступает в диссертационный совет, мы сформировали Экспертный совет по социологии, осуществляется расширенная экспертиза диссертаций. Многолетний опыт руководства диссертационным советом позволяет сделать обобщение по существующему порядку присуждения ученых степеней: я убеждена, что система диссертационных советов, ВАК, алгоритм защит окончательно устарели, их надо заменить децентрализованными, демократичными механизмами, соответствующими духу времени.

Валентина Николаевна, вы советник губернатора Саратовской области. Какие проблемы вы решаете, что удаётся и не удаётся осуществить?

Как общественный советник губернатора я работала в комиссиях и коллегиях — по вопросам помилования, министерства образования и науки, министерства здравоохранения и социального развития. Готовила проблемные материалы, участвовала в обсуждении текущих проблем, «круглых столах», заседаниях областного Правительства. Выступала, помнится, в дискуссии по организации молельных комнат в школах и введению школьного предмета по православной культуре — напомнила о равенстве конфессий по Конституции, христианскую заповедь «несть еллин, ни иудей». Несколько лет работала экспертом НФПК, член Аттестационной комиссии своего университета,

ученого совета Поволжского центра Федеральной службы занятости. В связи с реформой образования я бы предложила объединение хотя бы трех университетов нашего города (оставив в стороне Аграрный и Медицинский университеты, всего вузов в Саратове около двух десятков) в единый Саратовский национальный университет, ведь Императорский университет (сегодня СГУ) был открыт до революции. Теперь рейтинг отдельно взятых университетов Саратова гораздо ниже, и стоит подумать, видимо, о государственном подходе к проблеме — объединению материальных и интеллектуальных ресурсов для пользы дела, в интересах студентов. Только так Саратовский университет попадет в первую пятерку. Другая проблема связана с тем, что, несмотря на очень хорошие университетские библиотеки Саратова, библиотеки в школах и колледжах еще оставляют желать лучшего, здесь тоже нужен государственный подход. Когда-то привезла половину домашней библиотеки в библиотеку пединститута, потом кое-что передала в Научный парк, отнесла на кафедру, теперь организую сбор книг для школьных библиотек с помощью своих однокашниц. Убеждена, что книги — богатство, которое время от времени надо перераспределять.

Вы руководите известной в Саратове научной школой, на «заседания» которой стремятся аспиранты, докторанты, состоявшиеся учёные. Ваша школа помогает становлению исследователей в области социологии. Что она значит для вас?

Мне объективно везло на окружение, сподвижников, друзей и единомышленников, начиная со школьной поры, в студенчестве, аспирантуре. Когда стала преподавать, как-то само собой получалось, что общение продолжалось за рамками расписания. Так возник знаменитый ТФС. Я помню, один студент физфака, получив задание, съездил в Ленинград, побывал дома у Л.Н. Гумилева и вернулся в Саратов с экземпляром его докторской, которую долго не принимали к защите. На своем заседании мы устроили читку гумилевской работы, ореол таинственности сопровождал наши занятия. Другой случай был связан с объявлением о предстоящем заседании ТФС с докладом о противоречиях при социализме. И меня, и докладчика вызвали «на ковер», посыпались возмущенные упреки: какие могут быть противоречия при социализме?! И в философии, и позже уже здесь, в социологии, я постоянно оказывалась в фокусе преподавательской деятельности, приходя к пониманию, что суть университетской науки — во взаимном влиянии научных идеологий. Созидаемая школа была важна не только для моего окружения, но и для меня лично, происходила своеобразная конверсия интеллектуального ресурса в амбициозные планы молодых. Научные школы социологии существуют не в нашем воображении, они реально представлены в мощных проектах, симпозиумах, журналах, монографиях и уникальных образовательных про-

граммах. Где-то с большим, где-то с меньшим блеском они стали явью в двух, когда-то разведенных из единого центра, столичных академических институтах, университетах — СПбГУ, МГУ, ГУ ВШЭ, но одновременно — в Поволжье, Сибири, на Урале. Саратовская школа социологии представлена в СГУ профессором Г.В. Дыльновым и его коллегами (теперь есть социологический факультет и выпускающие кафедры). В СГТУ Елена Ярская-Смирнова и Павел Романов недавно создали Центр гендерных исследований и социальной политики. Они вполне самостоятельно находят зарубежных партнеров, ищут источники финансирования, внедряют новые учебные курсы на основе западных методик. Нашли свое место в науке и социальной политике мои бывшие подопечные, а теперь доктора социологии Марина Елютина, Дмитрий Зайцев, Виталий Печенкин, Юрий Быченко, Лев Фиглин. Я с удовольствием наблюдаю, как подрастают «птены», недавно защитившие кандидатские работы, но уже завоевавшие международные и российские гранты и стипендии — Ника Щебланова, Ира Суркова, Никита Борщов. Эти молодые исследователи гендерных дискриминаций, информационного насилия, социокультурных корней терроризма защитились не ради галочки или надбавки к зарплате. Горжусь учениками, яркими личностями, они стали преподавателями, предпринимателями, экспертами, руководителями кафедр, факультетов, учебных заведений, властных структур, некоторые — уехали за рубеж. Духовно близкими мне остаются Виктория Антонова, Владимир Гасилин, Дмитрий Зайцев, Лариса Константинова, Владимир Кочетков — их имена известны российской науке. В исследовательских проектах Федеральной службы занятости выросли молодые ученые Елена Барябина, Олег Ежов, Ирина Иванова, Сергей Константинов, Павел Кузнецов, Наташа Ловцова, Виктор Чепляев. Многие «школяры», имея базовое образование в области социальной антропологии, философии, психологии, обучались в аспирантуре, докторантуре по социологии, на курсах ИС РАН, прошли зарубежные стажировки.

Не могли бы вы рассказать о своих увлечениях, хобби?

С детства любила театр, шахматы, каток, музыку почти во всех ее жанрах — оперу, фольклор, джаз, сама пела, руководила ансамблем. Очень люблю собак, в доме живет Jake — Old English Sheep-dog, с ним совершают прогулки мужчины — дед и внук. Мои любимые шахматы (семейная игра, ещё от папы пошло), как и традиционные еще с юных лет лыжные прогулки в зимние выходные и водные лыжи летом, к которым муж меня приучил во время отдыха на Волге и жизни на Урале, теперь отодвинулись, уступив место другим занятиям. Недавно проводила интересное расследование. В родительском доме мужа висела старая картина, возможно, копия неизвестного художника, типично итальянский пейзаж с замками, прибрежными ска-

лами. Эту картину увезли, муж по ней тосковал, и я выдвинула гипотезу определения личности автора, увлеклась, нашла по разным каналам, в Интернете биографические данные предполагаемого художника, литературу о нём, в каких музеях хранятся работы, сделала цифровые фотографии. В доме, естественно, есть художественные альбомы и книги, в том числе по философии всех эпох — античность, Средние века, Возрождение, Восток и Запад, по социологии, которая теперь богато издается; недавно появился новый У. Эко (после книг «Имя Розы» и «Маятник Фуко» — восхитительный «Баудолино»). Со времен издававшихся у нас Кобо Абэ люблю японцев — теперь это Харуки Мураками и Юкио Мисима. Впечатления от них дополняет отечественная проза от В. Войновича до Т. Толстой, иногда — старый «Справочник фельдшера» — чтобы знать, отчего сердце колет. Разумеется, продолжателем социологического дискурса Э. Дюркгейма о самоубийстве, смерти и многого чего о жизни — Д. Чхарташвили — интересен, но Дэн Браун — вне конкуренции.

Какие социологические проблемы интересуют вас сейчас, в начале нового века? Каковы дальнейшие исследовательские планы?

Переход от философии к социологии оказался логичным, нас ждут неразрешенные проблемы общества и демократии, социология развивается в российских университетах, не боится острых вопросов неравенства, насилия, дискриминации во всех проявлениях. Современный дискурс образования обогащается междисциплинарной семантикой, представляя новые возможности многомерного анализа, конструирования и социальной дифференциации жизненных стилей, индивидуальных вкусов и субъективного отношения к идентификации — социальной, этнической. Для меня представляет интерес, почему в формальной структуре социальное образование оказывается недостаточно социальным, не учитывает социальный контекст и равенство возможностей, не выступает агентом социальной справедливости, устранения социального исключения. Мне кажется, важно уловить общие тенденции социального образования, те особенности, которые латентно присутствуют в его организации, институционализации, инструментальном воплощении, культурном контексте существующих парадигм. Нас интересует образование, потому что оно связано со статусом человека, этот институт воспроизводит достижения науки, научение знаниям, поэтапную социализацию, встречу культур. Если социальное пространство продуцирует новые групповые солидарности в поиске равновесных состояний, то с этими проблемами связано исследовательское поле, в котором очевидными методологическими регулятивами становятся категории социального пространства и времени. Мы говорим о таких мыслителях, как Кант, Вебер, Маркс; но кто такой Маркс — экономист, философ, политик, социолог? Вряд ли можно считать, что социологу чужды философские

проблемы, а философу незачем интересоваться социологией. Может быть, науке сегодня недостаточно строгой специализации, проблема имеет столько же граней, оттенков, сколько гора Фудзияма, мы пытаемся сочетать различные методологии — не только Кун, не исключительно Лакатос.

Валентина Николаевна, вы известный специалист в области социальных наук, активный общественный деятель. Кем вы считаете себя в большей степени? Это для вас призвание или профессия?

Не считаю, что нужны жесткие рамки, я вижу переплетение проблем, которыми занимаюсь. На мой взгляд, университетские образовательные программы, курсы должны быть проблемными, а не предметноцентристскими. Одно время ВАК требовал официальные отзывы оппонентов составлять проблемно, а не пересказывать главы и параграфы, но теперь, я вижу, многие оппоненты вернулись к старому. Надо рассматривать общество в широком диапазоне — экономическое, политическое, символическое и культурное поля, и, согласимся с М. Вебером, профессия и призвание должны быть рядом. Можно не возиться с магистерскими программами, аспирантскими и докторскими диссертациями, публикациями, не руководить проектами; если это неинтересно, то и не надо этим заниматься. Для того чтобы зарабатывать на хлеб, можно подходить к работе ремесленнически, думать о сиюминутной выгоде. Не хочу произносить громких слов о единственном смысле жизни, полагаю, что эти смыслы многогранны — и в творческой работе, и в семье, любви, дружбе. Думаю, меня можно назвать «агентом социального образования»; семантически это многоуровневая категория, интегрирует культуры, неразрывно с наукой, универсально, не ориентируется исключительно на одну профессию или узкую специализацию. В итоге, я полагаю, этот институт готовит социального эксперта — по социализации в школах, колониях и тюрьмах, семье, армии, психиатрии, конструированию толерантности, превенции насилия, формированию социальных проектов и социальной политики, социальной идеологии и социальной безопасности. Социальное образование служит гражданскому обществу, оно само есть дискурс гражданственности.